ISSN: 2616-8162

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Основан в 1997 году

Серия Д
Филология и психология

3/2023

Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д: Филология и психология»

Ответственный редактор – д-р филол. наук, проф. **В.И. Теркулов**
Заместитель ответственного редактора – д-р филол. наук, проф. **О.Л. Бессонова**
Ответственный секретарь – канд. психол. наук, доц. **С.А. Вильдгрубе**
Члены редколлегии: д-р наук по соц. ком., проф. **И.М. Артамонова**, д-р филол. наук, проф. **Ш.Р. Басыров**, канд. психол наук, доц. **А.В. Гордеева**, д-р филол. наук, проф. **А.В. Домащенко**, д-р психол. наук, проф. **С.Т. Джанерьян** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук **А.И. Иваницкий** (Российский государственный гуманитарный университет), д-р филол. наук, проф. **В.Д. Калиущенко**, д-р филол. наук, проф. **А.А. Кораблев**, д-р филол. наук, доц. **А.А. Кудряшова** (Московский центр качества образования), д-р психол. наук, проф. **В.А. Лабунская** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **М.Ч. Ларионова** (Южный научный центр РАН), д-р психол. наук, доц. **Е.Г. Максименко**, д-р филол. наук, проф. **Г.Н. Манаенко** (Северо-Кавказский федеральный университет), канд. филол. наук **М.Н. Панчехина**, д-р филол. наук, проф. **М.Л. Ремнёва** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р психол. наук, доц. **Е.Н. Рядинская** (Донбасская аграрная академия), д-р психол. наук, проф. **С.В. Сарычев** (Курский государственный университет), д-р психол. наук, проф. **А.В. Сидоренков** (Южный федеральный университет), д-р филол. наук, доц. **Л.В. Соснина** (Донецкий национальный технический университет), д-р филол. наук, проф. **В.И. Супрун** (Волгоградский государственный социально-педагогический университет), д-р филол. наук, проф. **В.В. Тулупов** (Воронежский государственный университет), д-р филол. наук **Н.В. Усова**, д-р филол. наук, проф. **Н.В. Уфимцева** (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова), д-р филол. наук, доц. **Е.В. Филатова**, д-р филол. наук, доц. **Л.Н. Ягупова**, канд. психол. наук, доц. **М.И. Яновский**.

Editorial Board of journal "Bulletin of Donetsk National University Series D: Philology and Psychology"

Editor-in-Chief – Doctor of Philology, Prof. **V.I. Terkulov**
Deputy Editor-in-chief – Doctor of Philology, Prof. **O.L. Byessonova**
Executive Secretary – Candidate of Psychology, Associate Prof. **S.A. Vildgrube**
Members of the Editorial Board: Doctor of Social Communications, Prof. **I.M. Artamonova**, Doctor of Philology, Prof. **Sh.R. Basyrov**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **A.V. Gordeeva**, Doctor of Psychology, Prof. **S.T. Dzhaneryan** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Prof. **V.A. Domaščenko**, Doctor of Philology **A.V. Ivanitskiy** (Russian State University for the Humanities), Doctor of Philology, Prof. **V.D. Kaliuščenko**, Doctor of Philology, Prof. **A.A. Korablev**, Doctor of Philology, Associate Prof. **A.A. Kudryashova** (Moscow Center for the Quality of Education), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Labunskaya** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **M.Ch. Larionova** (Southern Scientific Center of the RAS), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.G. Maksimenko**, Doctor of Philology, Prof. **G.N. Manaenko** (North Caucasian Federal University), Candidate of Philology **M.N. Panchehina**, Doctor of Philology, Prof. **M.L. Remnyova** (Moscow State University), Doctor of Psychology, Associate Prof. **Ye.N. Ryadinskaya** (Donbass Agrarian Academy), Doctor of Psychology, Prof. **S.V. Sarychev** (Kursk State University), Doctor of Psychology, Prof. **A.V. Sidorenkov** (Southern Federal University), Doctor of Philology, Associate Prof. **L.V. Sosnina** (Donetsk National Technical University), Doctor of Philology, Prof. **V.I. Suprun** (Volgograd State Socio-Pedagogical University), Doctor of Philology, Prof. **V.V. Tulupov** (Voronezh State University), Doctor of Philology, Prof. **N.V. Ufimtseva** (Moscow State University), Doctor of Philology **N.V. Usova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **E.V. Filatova**, Doctor of Philology, Associate Prof. **L.N. Yagupova**, Candidate of Psychology, Associate Prof. **M.I. Yanovsky**.

Научный журнал «Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология» включён в базу РИНЦ (договор 264-06/2018), в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, соискание учёной степени доктора наук (Приказ МОН ДНР № 576 от 04.05.2019 г.) по следующим группам научных специальностей: 5.9. Филология; 5.3. Психология. **Адрес редакции:** ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк, **Тел**: +7 (856) 302-92-33. **E-mail**: vi.terkulov@mail.ru, s.vildgrube@mail.ru, v.korobova-latyntseva@mail.ru. **URL**: http://donnu.ru/vestnikD.

Печатается по решению Учёного совета ФГБОУ ВО *«Донецкий государственный университет». Протокол № 12 от 22.12.23 г.*

© ФГБОУ ВО «Донецкий государственный университет», 2023

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

***Серия Д:* Филология и психология**

№ 3/2023

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Филология

Слышкин Г.Г., Смирнова Е.Д. Словообразовательная модель «Яжмать»: новый способ вербализации раздражения 6

Головачева О.В., Капшукова Т.В. Лексико-стилистические особенности произведений М. Денисовой 15

Дабежа В.В. Обзор научно-исследовательских и лексикографических источников по этнической ономастике приднестровского региона 21

Желябова И.В., Милославская В.В., Белоусова Л.С. Вербализация диалектной картины мира на материале тематической группы «растительный мир» 34

Лиханова Н.А. Лингвистический ландшафт г. Новосибирска как источник формирования региональной культуры (на материале китайской эргонимической лексики) 42

Матвеева И.В. Проблемы пересечения регионально окрашенной лексики (на примере анализа пересечений регионализмов Новосибирской области с другими регионами) 48

Мозговой В.И. О роли межъязыковых соответствий при передаче правового смысла собственных имён в региональной ономастике 59

Полежаева С.С. Городское культурно-семиотическое пространство: вербальная и невербальная аспектация 68

Пантелеев И.В. Сакральная микротопонимия Тульской области 83

Смирнова Г.Ю. Языковая атмосфера юного ленинградца: дом – двор – район 91

Акулович И.А., Романин Е.В. Особенности региональных вариантов русского языка в странах СНГ как средство создания комизма на материале интернет-мемов (кейс республики Беларусь и республики Молдова) 97

Bulletin of Donetsk National University

SCIENTIFIC JOURNAL

FOUNDED IN 1997

***Series D:* Philology and Psychology**

No 3/2023

CONTENTS

Philology

Slyskin G.G., Smirnova E.D. Word-formation model «Яжмать»: new way of verbalizing annoyance 6

Golovacheva O.V., Kapshukova T.V. Lexical and stylistic features of works by M. Denisova 15

Dabezha V.V. Review of research and lexicographic sources about ethnic onomastics of the pridnestrovian region 21

Zhelyabova I.V., Miloslavskaya V.V., Belousova L.S. Thematic group “Plants” in dialect picture of the world 34

Lihanova N.A. Linguistic landscape of Novosibirsk as source of regional culture formation (based on Chinese ergonymic vocabulary) 42

Matveeva I.V. Problems in intersection of regionalized vocabulary (on the example of Novosibirsk region regionalisms’ intersection with regionalisms in other regions) 48

Mozgovoy V.I. On the role of interlanguage correspondences in transmitting legal meaning of proper names in regional onomastics 59

Polezhaeva S.S. Urban cultural and semiotic space: verbal and non-verbal aspects 68

Panteleev I.V. Sacred microtoponymy of Tula region 83

Smirnova G.Yu. Linguistic atmosphere of young inhabitant of Leningrade: house – yard – district 91

Akulovich I.A., Romanin E.V. The specifics of regional variants of the Russian language in the CIS countries as a means of creating comicality based on internet memes (case of the republic of Belarus and the republic of Moldova) 97

Vlaskina T.Y. Metaphorical transference “SHELLING is NASTY WEATHER” in regiolect of modern Donbass 111

Chekina A.A. "Dedushko-domoveyushko, love my family": ritual and etiquette 119

ФИЛОЛОГИЯ

УДК: 81:271

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ «ЯЖМАТЬ»: НОВЫЙ СПОСОБ ВЕРБАЛИЗАЦИИ РАЗДРАЖЕНИЯ

© 2023 *Г.Г. Слышкин*[1], *Е.Д. Смирнова*[2]
[1]*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко*
[2]*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»*

В статье рассматривается лексическое сращение «личное местоимение в именительном падеже + дискурсивная частица же/ж + существительное в именительном падеже со значением социального статуса». Анализируются его семантические характеристики (обозначение различных типов нарушения социальных норм), прагматические функции (выражение раздражения). Прослеживается развитие конструкции от единичной лексемы «яжмать» к продуктивной словообразовательной модели. Определяются факторы, детерминирующие соответствие «языковому вкусу эпохи». Материалом исследования стали интернет-тексты различной жанровой принадлежности (публикации и комментарии на развлекательных порталах, в социальных сетях, новости). В процессе исследования авторами использовались методы семантического, компонентного, интерпретационного анализа.

Ключевые слова: словообразование, словообразовательная модель, раздражение, социальный статус, пейоратив, лексическое сращение.

Введение. Принципиальным отличием лингвокультуры от культуры является повышенное внимание к негативным ценностям. Язык, будучи утилитарной сущностью, ориентирован на обеспечение выживания человека в среде, полной вызовов и угроз, и стремится как можно более детально и кратко обозначить эти вызовы и угрозы. Позитивная сущность может быть репрезентирована в коммуникации описательно, негативная же нуждается в однословном обозначении. Именно поэтому в словарном составе любого языка пейоративная лексика преобладает над мелиоративной и ее состав непрерывно пополняется.

Меняющиеся социокультурные условия, типичное для современного человека состояние коммуникативного перенасыщения и невозможности уклониться от нежелательной коммуникации провоцируют чувство постоянного раздражения. Раздражение – это негативное эмоциональное состояние, вызываемое несоответствием событий или ситуаций внешнего мира ожиданиям индивида. Среди факторов, способных вызвать раздражение, наиболее значимое место занимают другие люди [12, с. 495]. Интенсификация вынужденной коммуникации порождает потребность в номинации все новых и новых лингвокультурных типажей, вызывающих раздражение. В рамках данной статьи будет рассмотрена новая для русского языка продуктивная словообразовательная модель «личное местоимение в именительном падеже + дискурсивная частица же/ж + существительное в именительном падеже со значением социального статуса», служащая для обозначения целого комплекса разноплановых раздражающих ситуаций и их

участников. Первым шагом в развитии данной модели стало возникновение в интернет-коммуникации лексемы *яжмать*.

***Яжмать*: от интернет-нарратива к узуальной лексеме**

Материнство – один из самых позитивных элементов концептосферы любого социума. Современные исследователи [3, 5, 8, 9 и др.] отмечают, что ценностная составляющая концепта *материнство* свойственна всем народам, а отношение варьируется в рамках особенностей менталитета и частных ценностных доминант. Исследователи, проводя анализ лексемы *мать*, выделяют, помимо очевидных материнских функций, ее способность вступать в противопоставительные отношения:

- *мать – мачеха* [6, с. 18],
- *мать – теща* [14],

где *мать* – однозначно позитивный элемент, а *мачеха/теща* – негативный. Позитивному образу, согласно мнению ученых [6, там же; 8, с. 114], свойственна жертвенность, роль защитницы, хранительницы традиций, воспитательницы. В русской лингвокультуре номинативная плотность концепта «мать» сравнительно невелика, синонимический ряд формируется в основном однокоренными ласкательными диминутивами: *мама, мамуля, мамочка, матушка* и т.п. При этом концепт, обладая обширной метафорической диффузностью, служит средством апелляции к иным позитивным концептам: *родина, природа, земля* и т.д.

Однако в начале XXI века общественное отношение к материнству претерпело определенные изменения: наряду с традиционным позитивным концептом стала формироваться его негативная альтернатива. Причинами этого стали, с одной стороны, растущие агрессивность и нетерпимость в обществе, с другой – наблюдающаяся тенденция к фетишизации детства и устранению из системы функций родителя обязанностей по полноценной социализации ребенка Исследователи отмечают, что одним из проявлений кризиса семейных ценностей в современном обществе стало «возведение ребенка в ранг «божества» и как результат формирование несамостоятельной личности, думающей, что ей можно все и общество обязано выполнять его прихоти» [11, с. 271]. Результатом влияния этих факторов стал генезис в общественном сознании стереотипизированного образа безответственной и агрессивной матери.

Раздражение от безответственного материнства постепенно генерировалось в лингвокультуре и прошло несколько этапов концептуализации:

Этап 1. Формульные нарративы. Трансформация оценочного знака концепта начинается с появления новых сюжетных формул развлекательных жанров массовой культуры [16, с. 27–28]. Так, с середины 2010 гг. в сети Интернет становятся популярны повествования бытовой тематики, в которых главными героями являются стереотипизированные персонажи:

Мать (М) – нарушитель социальных норм или защитник права ребенка на нарушение социальных норм;

Ребенок (Р) – нарушитель норм или жертва их нарушения со стороны М;

Повествователь (П) – свидетель / жертва / противник нарушения социальных норм.

Основные сюжетные формулы, по которым строится подобное повествование:

- Р на глазах П совершает антисоциальный поступок, М оправдывает этот поступок особым детским статусом и своим монопольным правом на оценку поступков Р;

• М на глазах П совершает антисоциальный поступок и оправдывает его своим особым материнским статусом;

• М на глазах П совершает деструктивный поступок по отношению к Р и оправдывает его своим особым материнским статусом и монопольным правом на принятие решения относительно Р. [13, с. 92].

Этап 2. Единица метаязыка интернет-поиска. Сформировавшийся массив формульных нарративов, размещаемых на популярных ресурсах в сети Интернет, привлек значительную читательскую аудиторию. Появилась потребность в тематическом маркировании данных нарративов для обеспечения возможности их поиска. Функцию подобного маркера в интернете выполняют так называемые теги или дескрипторы. Как правило, для реализации поисковой/сортировочной функции достаточно уже существующих лексических единиц. Однако для рассматриваемого типа нарратива подобное было бы невозможно: использование лексемы *мать* включило бы в поисковый запрос все истории, ее содержащие, т.е. все существующие повествования о материнстве, включая позитивные рассказы, научные исследования, информацию о беременности, форумы матерей и пр. Именно поэтому для маркирования нарративов об антисоциальной матери был создан тег-неологизм – *#яжмать*.

Основанием для возникновения тега стало восклицательное предложение *Я же мать!* (вариант – *Я ж мать!*), часто употребляемое в нарративах для оправдания антисоциальных действий, совершаемых матерью или её ребенком. Путем сращения трех частей, предложение «Я же мать!» подверглось лексикализации и превратилось в тег. Специфика подобных сращений, типичных для современного интернет-дискурса, проанализирована в работе О.А. Башкирцевой и Д.М. Дедковской. Для их обозначения авторами предложен термин «синтезированные лексические единицы» [3, с. 135–136].

Отметим, что данная словообразовательная формула нехарактерна для русского языка, поэтому исследователи рассматривают образование лексем типа *Яжмать* с разных точек зрения [1, 3, 15], однако для языка социальных сетей она является продуктивной.

Этап 3. Полноценная лексема. Следующим этапом эволюции концепта становится выход за пределы метаязыка интернет-поиска и превращение тега в полноценную нарицательную лексему с негативной коннотацией, употребляемую не только в рамках развлекательного нарратива, но и иных речевых жанров (в том числе в устной речи), и обладающую грамматическими категориями рода, падежа и числа. Приведем несколько примеров *(прим.: здесь и далее пунктуация сохранена)*:

- *Машина на мойке моется. Яжмать звонит своему мужу, спрашивает, долго ли он. Муж приезжает ровно к 9. Идем смотреть машину. <…>* (Портал Drive.ru, 03.05.2017);
- *Сестра превратилась в яжмать – как с ней общаться?* (Форум lady.mail.ru, 28.03.2017 г.);
- *Потом такие яжматери рассказывают всем, что люди вокруг злые, а они все такие белые и пушистые*. (Портал ЯплакалЪ, комментарий пользователя averse, 2017 г.).

Анализ собранного корпуса словоупотреблений показывает, что пейоратив *яжмать* полисемичен, хотя значения довольно близки и основаны на семе «асоциальная женщина с ребенком». Можно выделить следующие значения лексемы: 1) женщина с ребенком, нарушающая общественный порядок; 2) женщина, неспособная контролировать ребенка; 3) женщина с ребенком, злоупотребляющая

своими правами; 4) женщина с ребенком, неспособная взаимодействовать с окружающими в рамках вежливого общения.

Превращаясь в полноценную лексему, *яжмать* приобретает способность к деривации. Самыми частотными дериватами становятся прилагательное *яжмамский* и существительное *яжмамка,* в котором путем добавления уничижительно-пренебрежительного суффикса *-к* негативная семантика усиливается:

- *Яжмамке плевать, что у сестер и подруг могут быть другие планы (обида на них будет до конца жизни, если откажут)* (Сетевое издание «WOMAN.RU», 2023 г.);
- *... честно, ощущение, что читаю не любимый форум, а какой-то яжмамский ресурс* (Сайт Domidog.ru, комментарий пользователя, 2019 г.).

В чем же причина столь значительной языковой и коммуникативной экспансии, аналогов которой мы не наблюдаем у прочих синтезированных единиц интернет-происхождения (например, *яплакалъ* или *многобукв*)? На наш взгляд, причина кроется в очень удачной внутренней форме единицы, сочетающей экспрессивность, иронию и довольно сложную языковую игру.

Важным элементом производящего высказывания *Я ж мать!* является частица *же/ж* [2, с. 381–443]. Основное значение частицы *же* – «настаивание, усиление». В предложении *же* примыкает к предшествующему акцентированному слову. При употреблении в ответной реплике диалога частица указывает на факт, очевидный для говорящего, но не принятый во внимание адресатом, и придает высказыванию эмоциональные оттенки раздражения, возмущения, упрека, подчеркивания непреложности факта и недопустимости иной трактовки ситуации. В случае с предложением «Я же мать!» *же* используется для подчеркивания значения слова *мать,* наделяя его функцией аргумента и тем самым избавляя от необходимости расширения предикативной части высказывания (*Я знаю лучше, потому что я – мать!* или *Я имею на это право, потому что я – мать!*). Таким образом, сложная языковая игра, реализуемая в рассматриваемой лексеме заключается в следующем: выражение раздражения от асоциальной модели поведения осуществляется путем иронического использования лексикализованной фразы-аргумента, которым объект раздражения сам выражает раздражение от социума. Раздражение говорящего (нарратора) накладывается на раздражение персонажа («яжматери»), и экспрессивность лексемы многократно возрастает.

Соответствие лексемы «языковому вкусу эпохи» [10] привело к тому, что она оказалась востребована не только как единичное языковое явление. Словообразовательная модель «личное местоимение в именительном падеже + дискурсивная частица же/ж + существительное в именительном падеже со значением социального статуса» из окказиональной превратилась в продуктивную, расширив арсенал средств выражения раздражения. При этом продолжает сохраняться двойная функциональность единиц: они используются и как стандартные субстантивы, и как теги.

Конструкции с местоимением 1 лица (*яж…/яже…)*

Первоначально словообразовательная модель развивалась в рамках той же нарративной традиции, с которой связан генезис понятия и лексемы *яжмать.* В историях о социально неприемлемом детском поведении и оправдывающих его взрослых или о неадекватно ведущих себя взрослых, оправдывающих свое поведение интересами ребенка, стали появляться новые персонажи. Наиболее частотными

оказались конструкции с терминами кровного родства *отец / батя, дед, бабка / бабушка:*

- *Яжотец из Комсомольска-на-Амуре разобрался с обидчиком сына в весьма жёсткой форме* (Развлекательно-публицистический проект Unews.Pro, 2018 г.);
- *Яжбатя из Белгородской области избил 12-летнего мальчишку. Неадекват применил физическую силу по отношению к ребёнку потому, что тот не захотел уступить качели его 9-летнему отпрыску* (новость на портале LiveInternet.Ru, 2021 г.);
- *Отмечу также, как зло реагируют яжмать или яждед на замечания не затаскивать на лед грязь* (статья «Семейный вандализм» на портале Волжский.ру, 2023 г.);
- *Яжбабка не ограничилась соком. Видя что детишки уплетают сыр (сырная тарелка), она заявляет – сыр не трогать это детям! Но гости не послушали и кто-то взял кусочек сыра. Что делает яжбабка? Правильно – она берет сырную тарелку и весь сыр и все что было в этой тарелке пересыпает себе в тарелку* (Портал ЯЖЕМАТЬ, отрывок поста, 2018 г.).

Дальнейшее распространение конструкции выразилось в появлении лексем, финальным компонентом которых является обозначение иных (неродственных) статусов. При этом сохранилась как семантика асоциальности / иррациональности поведения, оправдываемого социальным статусом, так и прагматика раздражения.

Наиболее обширными тематическими группами стали:

1. Обозначения гендерной роли:

Странный муж какой-то. То ли инфантил, то ли [Ой!] то ли зазвездившийся "яжмужик" (блог «Записки Злючки», комментарий пользователя, 2022 г.);

Очередная яжедевочка? Это вообще лечится? (Антибабский форум, тема обсуждения, 2023 г.);

2. Обозначения профессий:

*Яжеучитель довела до слез школьниц*у (Одноклассники, видео группы Китай-сан, 2018 г.)

А есть такие яжврачи, которые самые умные во всех специализациях, а все остальные врачи у них тупые (ВКонтакте, 2017 г.).

Как и в предыдущих примерах, данные роднит эмоция раздражения. Кроме того, лексема может быть использована как по отношению к себе, так и по отношению к другому человеку. Значение лексемы меняется в зависимости от того, находится повествователь внутри или снаружи упоминаемой группы: *яжврач*-внутри группы – человек, который раздражен предписываемыми обществом стереотипами и обязанностями, *яжеврач*-снаружи группы – человек, который ничего не умеет, но думает, что наоборот. То же касается остальных профессий: говорящие об учителях подразумевают неадекватное поведение и самооценку последних, сами учителя – полагают, что на них возложены излишние требования и т.д.

- социальный статус (достигнутый или предписанный, реальный или мнимый):

- *Парковка в встиле "яжцарь" возмущает жителей Саратова* (Новостной портал Взгляд-инфо, заголовок поста, 2018 г.);

- *Водитель должен, пешеход должен, яжмать, яжцарь на дароге, пока вы друг на друга смотрите как на г<...>о, так и будете жить* (Вконтакте, комментарий пользователя, 2020 г.);
- *А на черном авто просто обычный "**яжцарь"*** (Портал Фишки.нет, комментарий пользователя, 2022 г.);
- *Могли бы существать аналогичные паблики "яжестудент", "яжеинвалид", "яжевоенный", "яжепредставительлюбойдругойгруппылюдейобладающейльготами", где бы обсуждалось какие они плохие, наглые и так далее* (портал Пикабу, пост yryryr1334, 2018 г.);
- *Тупой яжестудент* (Зеленка.гуру, комментарий пользователя, 2018 г.);
- ***ЯЖЕСТУДЕНТ**! Зачем вы напомнили мне про еду в час ночи?* (Комментарий Вконтакте, 2020 г.).

Отметим, что большинство таких лексем действительно подразумевают студентов, военных и прочих людей, которые подвергаются стереотипизации. Но лексема *яжцарь* имеет абсолютно метафорическое и всегда ироническое значение: она применяется к людям, которые паркуются иди водят, не учитывая потребности других участников движения. Значения реальной принадлежности к царскому роду данная лексема не имеет.

Помимо эмоции раздражения, указанные лексемы объединяет стереотип о том, что человек, которому они применяются – наглый, не способен учитывать мнение/желание/нужды окружающих, а человек, который применяет их к себе, так или иначе стереотипизирует собственное поведение.

Конструкции с местоимением 3 лица (*онж…/онже и пр.)*

Помимо лексем, образованных с помощью местоимений 1 лица и входящих в концептосферу «родственные связи», распространение получили и лексемы, образованные с помощью местоимения 3 лица. Обратимся к примерам:

Наблюдал картину: мальчик лет 7-8 прыгает в бассейн на головы проплывающих дам. Мама сидит рядом и очень радуется такому поведению ребёнка. Сначала дамы выражают неудовольствие, едва успев увернуться от тридцатикилограммовой тушки. Мамаша веселится. – «Онжеребёнок», – объясняет она действия малолетнего хулигана.<…> (Портал b17.ru, отрывок статьи Виталия Пичугина, 2014 г.)

«Онижедети» - отговорка, оправдывающая равнодушие и отсутствие ввоспитания. (Сайт Вконтакте, описание паблика «Онижедети», 2017 г.)

На популярность лексемы *Онжеребенок* и ее множественного числа *Онижедети* косвенно указывает счетчик просмотров видеороликов в приложении ТикТок; на конец 2023 года количество просмотров составило более 108 миллионов и более 900 тысяч соответственно.

Сформулируем значение лексемы: о*нжеребенок* – ребенок, совершающий антисоциальное действие и получающий поддержку и оправдание от взрослых (не всегда, но чаще всего связанных с нарушителем родственной связью).

Как и в случае с конструкцией *яж…*, местоимение 3 лица распространилось за пределы семейных отношений. Появились лексемы *онаждевочка*, *онажбабушка* (со значением возрастного, а не родственного статуса). Данные лексемы объединены значением «попытки оправдания»: человека, для обозначения которого их применяют, окружающие пытаются освободить от ответственности за

антисоциальные действия в силу его особого социального статуса. Однако сам говорящий не одобряет подобных оправданий и испытывает от них раздражение.

Конструкции с местоимением 2 лица (*тыж…/тыже…*)

Помимо лексем, инициальным элементом которых является личное местоимение первого или третьего лица, в рамках словообразовательной модели продуцируются единицы с местоимением второго лица: *тыжмужик, тыжврач, тыжпрограммист* и т.п. При этом их семантика и прагматика принципиально отличаются от ранее рассматривавшихся единиц. По-прежнему присутствуют семы «социальный статус», «асоциальность поведения», а также эмоциональная окраска раздражения. Однако объект номинации (носитель социального статуса) является не источником вызывающих раздражение действий, а их жертвой.

- *Полные карманы камней вперемешку с конфетами? Ну фу, тыжедевочка, зачем тебе камни? Непонятные палки в коридоре под вешалкой? Тыжедевочка, зачем ты тащишь мусор в дом?* (Пикабу, 2019);
- *Тыжврач должен знать всё! И, даже если у подруги твоей мамы болит сердце, а ты по образованию проктолог, ты можешь и должен ей помочь! Да, и не забудь. Если у подружки твоей сестры есть кот, и он начнет усиленно линять, обязательно приди и помоги ему! Ты не можешь помочь коту??????????????? Как это так??? Люди, кошки, коровы, тараканы… Какая разница, кого лечить, ведь тыжврач!* (ВКонтакте, группа «Записки трудоголика», 2017);
- *Более того у тыжпрограммиста нет выходных и своего личного времени он всегда готов сидеть и колупать твой старый раздолбанный комп (которому давно пора на мусорку). Просто таки пожертвовать всем ради тебя. Ведь только ты один обращаешься к тыжпрограммисту!* (Пикабу, 2013);

Отличительная черта таких лексем состоит в том, что источник раздражения в них смещен с объекта номинации (условного адресанта восклицания «Я же… !») на источник номинирующего высказывания «Ты же… !». Лексемы с элементом «яж» / «яже» обычно используют повествователи, не являющиеся частью номинируемой группы. Лексемы с местоимением второго лица обычно используются повествователями, имеющими к группе прямое отношение: человек, употребляющий единицу тыжпрограммист, обычно является представителем данной профессии; человек, употребляющий единицу тыждевочка является женщиной.

Заключение. Растущие агрессивность и нетерпимость в обществе, обострение бытовой конфликтности, потребность в новых средствах выражения негативных эмоций привели к возникновению в русском языке новой словообразовательной конструкции – лексического сращения «личное местоимение в именительном падеже + дискурсивная частица *же/ж* + существительное в именительном падеже со значением социального статуса». Начало ей было положено лексемой *яжмать,* ставшей средством пейоративизации концепта «материнство». Лексема первоначально возникла в метаязыке интернет-поиска, затем стала узуальной для развлекательных нарративов и иных жанров речи.

Нестандартность образования лексемы *яжмать*, ее игровая природа, двойная экспрессивность (раздражение повествователя + раздражение персонажа), соответствие лексического сращения общей тенденции к аналитизму в словообразовании, высокая престижность языковых единиц, берущих начало в интернет-коммуникации,

обусловили эволюцию единичной лексемы в словообразовательную модель. В рамках данной модели образуются единицы, обозначающие носителей различных типов социальных статусов: родственных, профессиональных, гендерных и т.п.

Результатом развития словообразовательной модели стали:

1. Появление в языковой картине мира однословных обозначений для трех ранее лакунарных групп концептов: 1) «субъект, оправдывающий собственные антисоциальные или иррациональные поступки своим особым социальным статусом» (лексемы с элементом *яж…*); 2) «субъект, чьи антисоциальные или иррациональные поступки окружающие оправдывают его особым социальным статусом» (лексемы с элементом *онж…*); 3) «субъект, ставший жертвой необоснованных ожиданий и требований, основанных на сложившихся социальных стереотипах» (лексемы с элементом *тыж…*).

2. Значительное расширение арсенала средств передачи эмоций раздражения и возмущения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт Ф.Б. К проблеме лингвистической интерпретации образований яжемать, онжеребенок / Ф.Б. Альбрехт // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – Вып. 60. – 2019. – С. 11–28.

2. Баранов А.Н. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания / А.Н. Баранов, К. Бонно и др. // под. ред. К.Л. Киселевой и Д. Пайара. – М.: Метатекст. – С. 382–443.

3. Башкирцева О.А. Синтезированные лексические единицы в языке соцсетей / О.А. Башкирцева, Д.М. Дедковская // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Вып. 10. –Тамбов: Изд-во Грамота – 2019. – С. 132–137.

4. Варламова С.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян / С.Н. Варламова, А.В. Носкова, Н.Н. Седова // Социологические исследования. – 2006. – № 10. – С. 61–73.

5. Богуславская В.В. Концепт «семья»: актуализация в медиадискурсе российских, датских и финских СМИ / В.В. Богуславская, А.Г. Чафонова // Дискурс. – 2019. – Т. 5. – № 6. – С. 155–165.

6. Карелова И.И. Концепт "мать" в идиоконцептосфере Л.Е. Улицкой / И.И. Карелова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2008. – № 10. – С. 18–21.

7. Кашина М.И. Семиотическая природа мема. Мем как симулякр / М.И. Кашина // Вестник МГЛУ. – 2015. – № 22 (733). – С. 118–125.

8. Кербс А.М. Реализация концепта «материнство» в дискурсе русских народных сказок / А.М. Кербс // Журнал научных публикаций аспирантов и докторантов. – 2008. – № 5 (23). – С. 113–116.

9. Кувычко А.А. Особенности дискурса материнства в современных русскоязычных средствах массовой информации / А.А. Кувычко // Русистика. – 2020. – Т. 18. – № 2. – С. 220–231.

10. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи / В.Г. Костомаров. – «Златоуст», 1999. – 289 с.

11. Лабазанова А.В. Формирование ответственного родительства: постановка проблемы / А.В. Лабазанова, В.Г. Рындак // Психология и педагогика XXI века: актуальные вопросы, достижения и инновации. – Оренбург, 2019. – С. 271–275.

12. Маралов В. Г. Раздражительность к людям: типология и механизмы / В.Г. Маралов, В.А. Ситаров // ИТС. – 2018. – № 3 (92). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/razdrazhitelnost-k-lyudyam-tipologiya-i-mehanizmy (дата обращения: 30.11.2023).

13. Смирнова Е.Д. Негативизация и криминальная эксплуатация концепта «материнство» как проблема лингвобезопасности / Е.Д. Смирнова, И.В. Смирнова // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: Сборник материалов II Международной научной конференции, Москва, 27–28 октября 2022 года / Редколлегия: М.С. Милованова (отв. редактор), Н.А. Боженкова [и др.]. – Москва: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2023. – С. 90–96.

14. Слышкин Г.Г. Реализация агрессии в жанре анекдота (на материале концепта «теща») / Г.Г. Слышкин // Антропологическая лингвистика: проблемы лингвоконцептологии, лингвистической гендерологии, лингвистики текста, семантики и стилистики. – Вып. 3.: сб. науч. тр. – Волгоград: «Колледж». – 2004. – С. 70–93.

15. Шанский Н.М. Очерки по русскому словообразованию и лексикологии / Н.М. Шанский. – Москва, 1959. – С. 42–49.

16. Словарь языка интернета.ru / М.А. Кронгауз, Е.А. Литвин, В.Н. Мерзлякова и др. // под редакцией М.А. Кронгауза. – Москва: АСТ-Пресс, 2016. – 288 с.

Поступила в редакцию 01.12.2023 г.

WORD-FORMATION MODEL «ЯЖЕМАТЬ»:
NEW WAY OF VERBALIZING THE ANNOYANCE

G.G. Slyshkin, E.D. Smirnova

The article deals with lexical fusion created by specific model «pronoun in nominative case+discursive particle же+noun in nominative case with the meaning of social status». The semantic characteristics of such a fusion (naming of different types of violations of social norms) and pragmatical functions (verbalization of annoyance) are reviewed. It also traces the development of lexical construction «яжмать» from a unit to a productive word-formation model. This research is based on different types of internet texts: posts, articles, comments, etc. The authors use the methods of semantic, componential, and interpretative analysis.

Key words: word formation, word-formation model, annoyance, social status, lexical fusion

Слышкин Геннадий Геннадьевич.
Доктор филологических наук, профессор.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Директор Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, заведующий научно-исследовательской лабораторией «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».
Национальный научно-исследовательский институт общественного здоровья имени Н.А. Семашко.
Главный научный сотрудник.
E-mail: slyshkin@ranepa.ru

Смирнова Екатерина Дмитриевна.
Преподаватель.
ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
Преподаватель Центра лингвистики и профессиональной коммуникации, эксперт научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия».
E-mail: smirnova-ed@ranepa.ru

Slyshkin Gennady Gennadievich.
Doctor of Philology, Professor
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Director of the Centre for Linguistics and Professional Communication, Head of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Informational Impact»

N.A. Semashko National Research Institute of Public Health

Chief researcher

E-mail: slyshkin@ranepa.ru

Smirnova Ekaterina Dmitrievna.
Lecturer
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Tutor of the Centre for Linguistics and Professional Communication, expert of the Research Laboratory «Linguistic Security and Psychology of Informational Impact»

E-mail: smirnova-ed@ranepa.ru